

был прав, требуя супружества Меркурия и Филологии, но он ошибся, символизируя красноречие Меркурием, то есть человеком,

ибо красноречие не должно быть главой Мудрости: это Мудрость — глава красноречия. Св. Августин сказал лучше: Капелла не присваивая красноречию (элоквенции) звания супруги, присвоил ей лишь звание горничной, или служанки. Это тоже делает ей честь, и большую честь. Ибо у Мудрости есть много других служанок, но нет ни одной, в которой бы она так нуждалась и которая служила бы ей так неотступно: «Sed imam tamen eloquentiam singulariter et prae caeteris ancillam habere dicit, individua sibi societate conjunctam, quia illius ministerio et maxime indiget et maxime utitur, cum absque illius adminiculo sua salutaria opera, suaque in hominum salute, profectu atque aedificatione nequeat vota explere»****. Из этого явно следует, что принцип «eloquentia ancilla theologiae»***** на наших глазах заменяет собой схоластический принцип «philosophia ancilla theologiae»*****.

Если просто перелистать «Переписку Кле-манжа», то мы заметим многократно повторяющийся совет: не учите — проповедуйте! Особенно полезно прочитать «Книгу о теологическом образовании» («Liber de studio theologico»), написанную Клеманжем в ответ на вопрос бакалавра теологии Жана де Пьемона: «Должен ли я получить докторскую степень?» Для чего?—спрашивает Клеманж. — Для того, чтобы преподавать? Нет ничего лучше, чем делать это, лишь бы тебя не заставляли преподавать в соответствующем духе. Сам Христос не делал ничего другого в течение своей жизни, и это значит подражать Ему в своем преподавании, но при этом нужно преподавать, как Он. Следовательно, теолог или проповедник, ибо это одно и то же («haec enim pro eodem habeo»)***** ? должен будет поступать «ad imitationem Christi qui, ut legimus, coepit facere et docere» (Деян. 1:1)*****. То есть сначала действовать, а потом говорить, и говорить не для того, чтобы заблудиться в речевых тонкостях, как делают столько теологов, которые не знают Писания или обращают его в посмешище. Чему удивляться, когда схо-

Часть 33.

569

2. Возвращение литературы во Франции

ластическая теология («plerosque scholas-ticos»*) не питает и не согревает души? Она говорит не сердцем, а разумом. Значит, чтобы спасти души, должно измениться сердце. Врач, лечащий больных, полезнее профессора, который только и умеет, что говорить в своей школе. Именно поэтому Кле-манж считает, вопреки мнению Генриха Гентского, что проповедь ценнее обучения. Такова была к 1420 г. глубокая озабоченность того, кто в дни воодушевления пробудил заброшенное и словно похороненное красноречие во Франции. Достаточно хорошо видно, в каком духе и с какими целями он это сделал. Сколь бы важен ни был пример Клеманжа, он не позволяет заключить, что все французы — любители словесности, которых можно было встретить в конце XIV века, — прочитали Цицерона и Вергилия, чтобы лучше подражать Иисусу Христу. Ни у кого не было набожности — если не настолько же искренней, то по крайней мере такой же серьезной, — но в целом они были менее чужды духу Никола де Клеманжа, чем об этом думали и говорили. Жан де Монтрей — даже он — чистое порождение французского народа. В продолжение карьеры, наполненной почестями и доходами, на него были возложены несколько королевских посольств, а заграничные путешествия давали ему повод ощутить себя так же довольным